

—

XV.

Теплое, мягкое ощущение обволакивало со всех сторон, окончательно топя остатки рассудка Се Сюаня. В какой-то момент он перестал понимать, исходит ли эта нега от горячей воды источника или от высокого силуэта, который с таким усердием трудился над ним сверху.

Бог весть сколько времени прошло; голос Се Сюаня давно охрип от криков, он бесчисленное количество раз проваливался в забытие и снова приходил в себя от настойчивых ласк. Тонкий серп луны постепенно скрылся, а на восточном краю небосвода уже начали пробиваться первые робкие лучи зари.

Прохладный ветерок на вершине утеса в сочетании с горячей водой приносил невыразимое блаженство. Се Сюань лениво растянулся на груди Гу Сьюаня. Тот мерно поглаживал его белую гладкую спину.

— Вашему Высочеству всё же нужно продолжать укреплять здоровье, — подал голос Гу Сьюань. — Как насчет того, чтобы с завтрашнего дня каждое утро тренироваться вместе со мной?

— ... — Се Сюань слушал его в полусне.

«Тренироваться? Еще и вставать ни свет ни заря ради этого? Зачем мне так над собой издеваться? Неужели только ради того, чтобы тебе потом было удобнее меня объезжать?»

Будь это обычный день, он бы уже вскочил и затеял с Гу Сьюанем словесную перепалку на восемьсот раундов, но сейчас он смог лишь хрипло и невнятно простонать:

— Ни за что... спать хочу...

Гу Сьюань недовольно нахмурился, но, взглянув на россыпь синяков и багровых следов на белоснежной коже юноши, в конце концов смягчился. Он наклонился и запечатлел нежный поцелуй на его черных волосах, а затем наотмашь ударил ладонью по воде. Сила отдачи подхватила их, выталкивая из источника.

Одной рукой Гу Сьюань сорвал одежду, висевшую на ветвях старой сливы, наскоро обернул обоих и той же дорогой, которой пришел, двинулся вниз, буквально летя по верхушкам деревьев. Горный ветер заставлял их одежды яростно хлопать; скорость была такова, что они походили на призрачных теней.

В мгновение ока они спустились с тысячеметровой вершины к подножию горы, где снова показался залитый огнями лагерь. Не потревожив ни единой души, Гу Сьюань доставил Се Сюаня обратно в его шатер.

Они-то провели ночь в свое удовольствие, а вот в лагере под горой многие так и не сомкнули глаз. Дружественный турнир закончился таким кошмаром — тучи сгустились и над Северными землями, и внутри Великой Лян.

Что касается расследования, император Цзяньчжао лично поручил суду Далисы провести допросы на месте, а под руководством Ван Чэнъина люди из Департамента церемоний взяли

под стражу всех, кто в последние дни контактировал с тигром. Все знали: евнухи — народ самый жестокий и дотошный. Если попадешь к ним в руки — не умрешь, так три шкуры спустят.

В главном императорском шатре император Цзяньчжао уже долгое время сидел в молчании. В его голове раз за разом всплывала сцена: как только возникла опасность, Се Сюань первым делом бросился к нему, а затем, не раздумывая, закрыл его собой от тигра. В тот момент император искренне пожелал, чтобы его сын остался жив.

Се Хуань, глядя на лицо отца, был погружен в свои мысли. Стоит признать, что вчерашний ход Се Сюаня был весьма искусным — он заставил сердце императора дрогнуть. Но лишь на время. Его отец был существом эгоистичным и трусливым до крайности. За всю жизнь, кроме трона и собственной матери, он не любил никого по-настоящему. «Се Сюань, хм...»

Се Хуань прочистил горло и осторожно позвал:

— Отец?

Император поднял глаза. Глядя на этот профиль, так похожий на черты его любимой женщины, он почувствовал, как раздражение улетучивается. Он мягко произнес:

— Я разберусь с последствиями. Однако... того человека из поместья Шестого принца так и не нашли?

В прошлый раз, когда Се Хуань упомянул, что Се Сюань ведет себя подозрительно и мог прознать об их планах, император послал самых скрытных стражей Юйлинь для слежки и расследования. И они действительно кое-что обнаружили.

В последнее время в поместье Шестого принца наблюдалась необычная активность: не только участились контакты с чиновниками, но и периодически появлялся некий таинственный мастер. Несмотря на все таланты стражи Юйлинь, они никак не могли выследить этого незнакомца, не говоря уже о том, чтобы выяснить его личность.

Интуиция подсказывала императору и Се Хуаню: появление этого мастера и недавняя активность Се Сюаня при дворе не случайны. Удары принца в последнее время были слишком точными и болезненными; вполне вероятно, что за ним стоит мощная разведывательная сеть.

Се Хуаня это пугало особенно сильно. Оставим в покое разведку, но такой мастер, приходящий и уходящий как тень, перед которым бессильна даже личная стража императора — разве это не значит, что дворцовые запреты для него ничто? Если однажды Се Сюань решит пойти ва-банк, проснется ли он на следующее утро живым? Где Шестой брат раздобыл такого человека?

Именно поэтому Се Хуань изо всех сил убеждал отца устроить этот инцидент с тигром.

Во-первых, чтобы надавить на прижимистых северян и ускорить заключение союза на выгодных условиях.

Во-вторых, чтобы в момент внезапной опасности вынудить того самого мастера выйти из тени и, ухватившись за ниточку, распутать весь клубок.

Чтобы план сработал наверняка, он предложил переодеть стражей Юйлинь в форму обычных гвардейцев и спрятать их в толпе. Император колебался недолго. К Се Хуаню он и так не питал особых чувств, а уж известие о том, что сын тайно копит силы и играет во власть — а это

главный грех для подданного, — поставило точку.

Но... император нахмурился.

В такой критический момент мастер так и не появился. Если бы не своевременный приход Гу Сьюаня, Се Сюань действительно бы...

Стражи Юйлинь были его вернейшими слугами, в их словах он не сомневался. Значит, таинственный мастер просто не последовал за принцем в военный лагерь. Хотя вчерашняя преданность сына и тронула его, наличие такой силы за его спиной заставляло императора чувствовать себя как на иголках. К тому же он вспомнил слишком спокойный взгляд Се Сюаня перед уходом. Мальчик наверняка что-то заподозрил.

Возможно, из-за того, что император велел Ван Чэнъину предупредить Второго принца, когда тот полез к клетке. Или из-за необычных действий тех гвардейцев Юйлинь после его крика «Защитить Шестого принца». Даже если Се Сюань не понял всего сразу, после случая на жертвоприношении его подозрения только укрепятся.

Жертвоприношение?

Император внезапно подумал: раз этот мастер настолько искусен, что гвардия бессильна, возможно, только Гу Сьюань сможет с ним справиться. Гу Сьюань — человек прямой и честный, с большим будущим; император не хотел втягивать его в подобные интриги, но ситуация не терпела отлагательств.

Так вышло, что едва Гу Сьюань вернулся в свой шатер и не успел даже закрыть глаза, как его вызвали к императору и дали задание, вызывающее лишь горькую усмешку.

Приказывать ему следить за самим собой — лучшего поручения и не придумаешь. Оставалось только признать: его актерская игра была безупречна, раз даже сейчас император ничего не заподозрил.

Император Цзяньчжао произнес со всей серьезностью:

— Я обещал тебе отдых, но дело крайне важное, и, кроме тебя, с ним никто не справится.

Гу Сьюань бесстрастно сложил руки в приветствии:

— Разделить заботы Вашего Величества — мой долг.

Император кивнул:

— Хорошо. Под предлогом отпуска действуй скрытно, чтобы не спугнуть змею.

— Слушаюсь, — ответил Гу Сьюань.

Когда Се Сюань окончательно проснулся, солнце уже стояло высоко, а сам он мирно лежал в своем шатре. До этого слуги заглядывали к нему несколько раз, но, не дождавшись ответа, решили, что Шестой принц оправляется от вчерашнего потрясения, и не посмели его беспокоить.

Се Сюань приподнялся, желая дотянуться до чашки с чаем на столике, но внезапная слабость в пояснице и странное ощущение во всем теле заставили его на мгновение замереть.

В следующий миг он увидел, как большие ладони перехватили чашку и поднесли ее прямо к его губам.

Опираясь на знакомую твердую грудь, Се Сюань маленькими глотками осушил чашу.

— Еще? — спросил Гу Сююань.

Се Сюань качнул головой.

Гу Сююань уже собирался убрать руку и поставить чашку, как вдруг почувствовал на запястье влажное тепло и легкую колющую боль.

Се Сюань кусал его. Маленький львенок.

Гу Сююань даже не пошевелил рукой, лишь спокойно наблюдая за его действиями:

— Похоже, у Вашего Высочества сил в избытке. Вероятно, вчера я был слишком мягкосердечен — стоило Вам начать всхлипывать без умолку, как я тут же поддался и пощадил Вас.

— ... — Се Сюань был потрясен.

На свете действительно существуют столь бесстыдные люди!

Кто это «всхлипывал без умолку»?

И когда это ты «пощадил»?

О вчерашнем он помнил лишь то, что то и дело терял сознание от усталости, приходил в себя от новых ласк, снова засыпал... Его ворочали туда-сюда так, что он чуть было не испустил дух прямо там.

— В следующий раз... — Гу Сююань не успел договорить, как его нетерпеливо перебили.

— А? Что ты сказал? Какой такой «следующий раз»? — Се Сюань поспешно разжал свои жемчужные зубки, нежно поцеловал след от укуса на запястье и, задрав голову, заискивающе улыбнулся: — Генерал Гу, у вас такие изящные руки! Стоит мне их увидеть, как сердце радуется, не удержался и поцеловал пару раз... Вы ведь не против?

Гу Сююань смерил его холодным взглядом и неспешно произнес:

— Разумеется, не против. Очевидно, плечи мои Вашему Высочеству нравятся еще больше, ведь на них до сих пор красуются четкие отпечатки Ваших зубов.

— ... — Се Сюань смотрел на него увлажненными глазами.

Ну зачем так?

У них же уже такие отношения, неужели нельзя хоть немного уступить бедному несчастному принцу? Обязательно издеваться?

Гу Сююань ущипнул его за мягкую щеку:

— Опять этот взгляд. Снова пытаетесь жалобно капризничать? Впрочем, вчерашние слезы и капризы были весьма очаровательны. Хоть и бесполезны, но зрелище приятное.

— Ничего подобного! — громко возразил Се Сюань. При упоминании прошлой ночи у него тут же заняла поясница, и он поспешно, по-тихому сменил тему: — Кстати, почему ты здесь? Среди бела дня — не боишься, что заметят?

— Кто заметит? — высокомерно отозвался Гу Сьюань, а затем продолжил: — Впрочем, есть одно дельце, о котором я должен тебе сказать.

Се Сюань нашел удобную позу, лениво устроившись головой на его бедре, и, поигрывая прядью своих волос, спросил:

— Что за дело, ради которого ты решил рискнуть и прийти?

Гу Сьюань вкратце пересказал суть недавнего разговора с императором Цзяньчао.

Спустя долгое время Се Сюань слегка повернулся, обнял Гу Сьюаня за талию и с глубоким, затаенным блеском в глазах прошептал:

— Вот оно что... Значит, вот к чему была вся эта сцена. А я-то грешным делом подумал, что он и впрямь решил покончить со всем разом и забрать мою жизнь.

Гу Сьюань приподнял изящный подбородок маленького принца и серьезно произнес:

— Я полагаю, время пришло.

Он не привык пассивно принимать удары один за другим, и человек, которого он любит, тоже не должен этого делать. К тому же, за всё это время он подготовился более чем достаточно. Те месяцы, когда он был так занят, что не видел Се Сюаня, не прошли впустую.

Се Сюань задрал голову, глядя на него, и хихикнул:

— О чем это говорит генерал Гу? Ты... хочешь поднять мятеж?

— Почему бы и нет? — лицо Гу Сьюаня осталось бесстрастным.

Сказав это, он склонился к самому уху Се Сюаня и прошептал несколько фраз.

Через мгновение глаза Се Сюаня округлились, а уши покраснели так, будто из них вот-вот брызнет кровь.

Этот человек... как он мог такое придумать? Или, точнее, как он вообще посмел об этом подумать? Предки, завидев такое, из могил бы попрыгали от ярости!

Неужели чем холоднее человек выглядит снаружи, тем более поразительные мысли у него в голове? Видимо, слишком долго притворялся и подавлял себя, вот и заработал «пунктик».

Впрочем... это казалось чертовски захватывающим.

Се Сюань с предвкушением посмотрел на Гу Сьюаня:

— Мятеж так мятеж. Но есть ли у тебя план? Без законного повода нам будет трудно.

Взгляд Гу Сьюаня был пронзительным, но голос звучал мягко:

— Сейчас вы с императором взаимно прощупываете границы, ожидая, когда правда вылезет

наружу. Раз так, давай просто с размаху наступим на эту «границу». Кое-каким вещам пора стать достоянием общественности. Посмотрим, кто сломается первым — «немилосердный отец» или «непочтительный сын».

Видя, как этот человек уверенно распоряжается судьбами, Се Сюань почувствовал, как внутри всё сладко сжимается. Он намеренно изменил голос на кокетливый:

— Теперь я весь твой, и в таких мелочах, конечно же, буду слушаться своего господина.

Гу Сьюань:

Маленький принц определенно слишком любил играть на публику. Однако, прикинув на руках вес своей «ноши» и чувствуя упоительную мягкость этого прекрасного тела, Гу Сьюань признал: мысль о том, что этот человек полностью принадлежит ему, не могла не радовать.

Се Сюань:

Почему у него такое чувство, будто он — мешок с песком?

Так, в атмосфере нежности и близости, за парой слов была решена судьба смены династий.

Вскоре после того, как Гу Сьюань покинул шатер, Се Сюань закончил обедать, и к нему явился Ван Чэнъин. Он сообщил, что дело о внезапном безумии тигра расследовано, и император приглашает принца присутствовать на оглашении приговора.

Се Сюань поставил чашку с чаем для полоскания рта и с полуулыбкой взглянул на евнуха:

— Говорят, расследованием руководили вы, главный евнух Ван? Прошла всего ночь, а уже всё выяснилось. Какая эффективность! Шести министерствам и суду Далисы только и остается, что обувь за вами чистить.

От этого взгляда Ван Чэнъина бросило в дрожь, и он поспешно ответил:

— Не смею принимать такие похвалы от Вашего Высочества. Разве может старый раб сравниться с господами из министерств? Просто Его Величество и Ваше Высочество так близки, что государь велел мне приложить все возможные усилия.

Се Сюань усмехнулся и холодно кивнул:

— Что ж, пойдём!

Когда Се Сюань прибыл в главный шатер, там уже сидели император Цзяньчжао, чиновники Великой Лян и свита северного князя. Гу Сьюаня среди них не было.

Император посмотрел на вошедшего:

— Сюань-эр, ты пришел.

Се Сюань кивнул и сухо произнес:

— Ваш подданный приветствует Ваше Величество.

Император прищурился. Действительно, заподозрил.

Присутствующие, глядя на выражение лица Се Сюаня, пребывали в недоумении. Вчера Шестой принц рисковал жизнью ради отца, по логике вещей их узы должны были окрепнуть, а сейчас он ведет себя так, будто они в ссоре. Странно, очень странно...

Когда все собрались, чиновники из Далисы зачитали обвинительные акты. Согласно результатам допросов, инцидент не имел отношения ни к внутренним делам Лян, ни к северянам. Всё это — коварные происки степных кочевников. Они подстроили всё, чтобы убить членов императорской семьи и высокопоставленных чиновников, вызвать смуту в стране и сорвать союз Великой Лян и Северных земель. Убить двух зайцев одним ударом.

Что касается подробностей, были и свидетельские показания: некий кочевник под вымышленным именем затесался в свиту Севера и подсыпал тигру снадобье, а по прибытии в лагерь подкупил дворцового слугу, чтобы тот добавил в вино Се Сюаню приманку для зверя. В общем, история вышла складная и запутанная — как раз в духе подобных дел.

Этим результатом остались довольны все: и Великая Лян, и Север. Даже Се Сюань.

Хм, во всём виноваты происки степных кочевников — теперь союз может быть заключен без помех. Что касается того, как император Цзяньчжао пытается его одурачить — он ни капли не злился. Он ожидал этого. После случая на жертвоприношении он не питал иллюзий насчет отца, к тому же перед приходом сюда он уже решил, что пора срывать маски.

Однако, хоть в душе он и не злился, на деле он поднялся и холодно усмехнулся:

— Отец-император мудр. Раз виновные найдены, сын откланивается!

Раньше ему приходилось терпеть и притворяться дурачком. Теперь же пришло время взаимных ловушек — посмотрим, кто первый не выдержит и перевернет стол.

— Сюань-эр! — лицо императора Цзяньчжао действительно изменилось, взгляд стал мрачным. Хоть он и был тронут вчерашним поступком сына, такое поведение Се Сюаня было верхом дерзости.

Се Сюань же, не обращая внимания на его гнев, просто развернулся и вышел, словно ему было плевать на последствия.

— Непочтительный сын! — в ярости вскричал император.

В шатре остались лишь переглядывающиеся министры (что вообще происходит между отцом и сыном?) и втайне ликующий Се Хуань. Се Сюань совершил глупость — неужели он думал, что вчерашний подвиг дает ему право так наглеть?

А «глупый» Се Сюань, выйдя из шатра, тут же потянулся, вскинув руки вверх.

Тц, в будущем огрызаться придется еще много раз.

Как же хорошо. Особенно когда за спиной есть такая опора.

На следующий день кавалькада двинулась обратно во дворец.

Из-за инцидента на полигоне северяне больше не сопротивлялись и покорно подписали договор о союзе, согласившись на условия, против которых раньше стояли насмерть. После этого их делегация начала готовиться к отъезду.

Однако перед отъездом нужно было решить вопрос с замужеством северной принцессы.

Чиновники полагали, что император заберет ее в гарем или выдаст за своего любимчика — Шестого принца. Ведь принцесса символизировала мир между государствами и должна была принадлежать правителю или наследнику.

Кто бы мог подумать, что император Цзяньчжао отдаст ее в жены Четвертому принцу Се Хуаню.

Все были в шоке. Ваше Величество, что вы задумали?

Что случилось с этой семьей?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281632>